

современник. Блок в
лит. обозрение. 1980.

М. Ю. Любимова

**Блок и Е. И. Замятин. Диалог о культуре и
государстве***

Личное знакомство Евгения Замятина с Александром Блоком произошло, по свидетельству писателя, в начале 1918 года. Эту встречу, которая состоялась в редакции левозсеровского журнала «Наш путь», Замятин запомнил так: «Стук в дверь — и в комнате Блок. Нынешнее его, рыцарское лицо — и смешная, плоская американская кепка. И от кепки — мысль: два Блока — один настоящий, а другой — напаянный на этого настоящего, как плоская американская кепка. Лицо — усталое, потемневшее от какого-то сурового ветра, запертое на замок. <...> я на минуту вдвоем с Блоком.

— Сейчас? (его ответ). Ну — какое же писание. Выколачиваю деньги. Очень трудно...

И вдруг — сквозь металл, из-под забрала — улыбка, совсем детская, голубая:

— А я думал, что вы — непременно с бородой до сих пор, вроде земского доктора. А вы — англичанин... московский...»¹.

За полгода до этой встречи Замятин вернулся из Англии, куда он был командирован как инженер-кораблестроитель наблюдать за постройкой ледоколов для России. Выходец из семьи потомственного священника уездного городка Лебедянь, Замятин окончил кораблестроительное отделение Санкт-Петербургского политехнического института. Он пережил короткое увлечение социалистическими идеями, в декабре 1905 года был арестован и выслан на родину, откуда бежал и скрывался от полиции око-

* Работа осуществлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект «Хроника культурной жизни России Серебряного века»).

ло пяти лет; был свидетелем бунта на броненосце «Потемкин» и подготовки Свеаборгского восстания. Еще студентом Замятин совершил плавание от Одессы до Александрии; работая инженером на судостроительных заводах, в 1911–1915 годах объездил почти всю Россию. Литературный дебют Замятина в 1908 году (рассказ «Один») прошел почти незамеченным. Лишь пять лет спустя он приобрел известность как автор повести «Уездное» и «вошел в литературу»².

В 1914 году в рецензии на первый и второй сборники «Сирин» писатель положительно отзывался о пьесе Блока «Роза и Крест»³. В записной книжке Блок в 1915 году упомянул Замятина⁴.

В сентябре 1917 года Замятин вернулся из Англии в Петроград и некоторое время преподавал кораблестроительную архитектуру в Политехническом институте.

Вскоре старый знакомый Замятина С. П. Постников, влиятельная фигура в партии социалистов-революционеров, бывший секретарь редакции журнала «Заветы» и «крестный отец» писателя (именно в этом журнале была опубликована повесть «Уездное»), привлек его к сотрудничеству в эсеровских изданиях⁵. С 15 октября 1917 по 23 июня 1918 года Замятин опубликовал в газете «Дело народа» ряд рассказов, фельетонов, политических сказок и публицистических статей. Для издательского кооператива «Колос» готовил выпуски книжной серии «Народная библиотека чтения для города и деревни "Коробейник"». Стал участником сборников «Мысль»⁶. В связи с выходом первого номера Блок отметил в записной книжке 1 апреля 1918 года: «Вышел сборник правых [социалистов]-р[еволюционеров], где прохаживаются обо всех скифах пространно»⁷. Блок имел, вероятно, в виду статью «Скифы ли?», подписанную псевдонимом «Мих. Платонов». Ее автор — Евгений Замятин — подверг резкой критике статью Иванова-Разумника «Две России», напечатанную во втором сборнике «Скифы»⁸.

Программа «скифского» течения была заявлена задолго до Октябрьских событий. Авторы введения к первому сборнику «Скифы» Иванов-Разумник и С. Д. Мстиславский утверждали: скифство — это течение, отражающее «искания непримиренного и непримиримого духа», «мятежных духовных скифов»; «нет цели, против которой побоялся бы напречь лук, он, скиф»⁹. Замятину импонировали противопоставления «вечной революционности» — «реформизму» и «духу Компромисса», «святого безумия» — «благоразумию», трезвости и бескрылости «всесветного

Мещанина»¹⁰. Тезис о «безраздельной устремленности» скифов к грядущему, к «революции духа» был программным и для Замятина.

Во втором сборнике, выпущенном два месяца спустя после прихода большевиков к власти, Иванов-Разумник в статье «Две России» выдвинул новую программу течения. Он внес в нее значительные коррективы, призывая интеллигенцию проникнуться «верой во всемирность революции»¹¹, «прочувствовать настоящее» и работать для близкого, а не «только далекого будущего».

Замятин возражал критику, напоминая, что «скиф работает только для далекого будущего, скифу никогда не быть с "практическими победителями", потому что его исповедание — еретичество; судьба его — судьба Агасфера, "для него один путь: Голгофа"»¹². Несмотря на то что Замятин сам участвовал во втором сборнике «Скифов» — здесь была напечатана его повесть из английской жизни «Островитяне», — писатель отказывал в праве называться настоящими скифами всем авторам сборника, склонившим голову перед догмой большевизма.

В полемике Замятин использовал строчку из стихотворения Блока «Скифы», чтобы подчеркнуть, что подлинные скифы, способные на «мученичество в земном плане», отстаивающие право на свободное слово, как писал А. М. Ремизов в «Слове о гибели Русской Земли»¹³, — это одиночки, обреченные на «вечное Агасферово странствование», и их не могут быть «тьмы, и тьмы, и тьмы»¹⁴.

В статье «Домашние и дикие»¹⁵ Замятин вновь обратился к творчеству Блока — на сей раз к статье «Интеллигенция и революция» и к поэме «Двенадцать»¹⁶. По мнению Замятина, Блок изменил себе, отбросив прежний идеал Прекрасной Дамы, и вместо этого сумел «принять и воспеть рабовладельческие способности правителей наших», «фагоцитировать своих "двенадцать" с бубновым тузом на спине». Замятин отрицательно отнесся к тезису поэта: «Не дело художника смотреть за тем, как исполняется задуманное» — и не принял призывы «всем телом, всем сердцем, всем сознанием» — «слушать Революцию» и «не выискивать» в ее оркестре «отдельных, визгливых и фальшивых нот».

Возражая против блоковской концепции искусства как самопожертвования, Замятин наметил свою теорию — «искусство как еретичество». По его мнению, задача художника — «быть вечно бездомным бродягой и искать настоящего», а не иллюзий, которые рассыпаются «от света белого дня» (имеются в виду попытки поэта принять варварские явления в

послеоктябрьской российской действительности: способность власти «ломать коням тяжелые крестцы и умирять рабынь строптивых», самосуд и «плевики на могилу Л. Н. Толстого»).

Сам Замятин при каждом удобном случае остро реагировал на проявления подобного «варварства». В фельетоне «Елизавета Английская»¹⁷ он писал о позорнейшем убийстве политических противников большевизма, деятелей кадетской партии, депутатов Государственной Думы А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина в Мариинской больнице. В фельетоне «Они правы»¹⁸ он откликнулся на массовое закрытие буржуазных газет, в статье «О белом угле»¹⁹ указывал на несвоевременность проекта строительства грандиозных электростанций на русских северных реках.

С весны 1918 года почти все публицистические выступления Замятина были проникнуты идеей независимости культуры от государственной власти. «Тяжелее всего, — писал он в статье "О служебном искусстве", — унижительная, прислужническая роль, какую навязывают искусству правящие архангелы, позванивая серебряниками. И прав тот художник, которому траурно в эти дни»²⁰. Художник для Замятина — непременно «романтик»: «Идеал романтика — подвижный, живой, вечно уходящий вдаль <...>; идеал политика — вечно прикован к земле. <...> Романтик — вечный отрицатель и бунтарь, для него нет ничего непогрешимого»²¹.

Несмотря на тесное сотрудничество Замятина с органами печати правого крыла партии социалистов-революционеров, его вряд ли можно причислить к литераторам эсеровской ориентации. В сущности, он так же, как и Блок, дистанцировался от вопросов текущей политики. Уже весной 1906 года он сделал для себя вывод, что не будет служить делу осуществления социально-политической революции в России, не сможет стать «идейным интеллигентом» и выражать интересы какой-либо партии²². Тем не менее в феврале 1919 года Блок и Замятин почти одновременно в числе других деятелей культуры, связанных с эсеровской печатью, были арестованы Петроградской Чрезвычайной комиссией²³. Благодаря хлопотам М. Ф. Андреевой и заступничеству М. Горького и А. В. Луначарского, они вскоре были освобождены.

С весны 1919 года встречи Блока и Замятина стали регулярными. Они вместе работали в редакционной коллегии издательства «Всемирная литература», в Секции исторических картин Петроградского театрального отдела Наркомпроса, в Союзе деятелей художественной литературы, во Всероссийском союзе писателей.

9 апреля 1919 года Замятин присутствовал на собрании сотрудников издательства «Всемирная литература», где Блок прочитал только что законченную статью «Крушение гуманизма». Атмосферу происшедшего в тот вечер Замятин запомнил так: «<...> стена между ним и между всеми остальными, и за стеною — слышная ему одному и никому больше — варварская музыка пожаров, дымов, стихий.

А потом — в комнате рядом: потухающий огонь в камине; Блок — у огня со сложенными крыльями бровей, упорно что-то ищущий в потухающем огне <...>»²⁴.

В этом выступлении прозвучали пророческие слова относительно культуры будущего, истинный смысл которых поняли немногие.

В начале июня 1919 года Замятин вместе с К. И. Чуковским и А. Н. Тихоновым (Серебровым) готовили первый номер нового «внепартийного» ежемесячного журнала «Завтра»²⁵. Блок предполагал опубликовать там стихи, Замятин — новую повесть «Север»; ему же поручили написать манифест журнала. «Единственное оружие, достойное человека — завтрашнего человека — это слово», — утверждал писатель, напоминая, что именно «словом» «русская литература десятилетия подряд боролась за великое человеческое завтра». Манифест звучал как страстный призыв встать «на защиту человека и человечества» в «эпоху подавления личности во имя масс», когда «война империалистическая и война гражданская — обратили человека в материал для войны, в номер, цифру»²⁶.

В период подготовки журнала к печати 17 июня 1919 года произошла очередная встреча и «короткий, мимолетный разговор с Блоком», записанный Замятиным:

«Люди живут странно — в непрозрачных домах, боятся даже окон — непрозрачным закрывают окна»²⁷. Но иногда вдруг, с империиа конки, мимолетно мелькнет жизнь без стен; женщина на подоконнике — согнулась и закрыла лицо руками, мужчина молча ходит по комнате взад и вперед — и все ясно. Такой был и этот короткий разговор: без стен. И на минуту за этим медленным, металлическим, на замке лицом мне мелькнул человек, который трудно и больно отрывает от себя что-то очень любимое, последнее. Я не могу вам воспроизвести весь этот разговор. Помню, я сказал:

— Не могу вам простить вот этих строк:

Ломать коням тяжелые крестцы,
И умирять рабынь строптивых...»²⁸.

Задуманный журнал «группы независимых писателей» (ответственным редактором должен был стать М. Горький, издателем — З. И. Гржебин) из печати не вышел.

Летом 1920 года Блок и Замятин делали совместную литературную работу — редактировали переводы пьес В. Шекспира «Король Лир» и «Венецианский купец» для Большого драматического театра²⁹. Помимо скромного гонорара, это занятие давало и Замятину и Блоку возможность хотя бы на некоторое время забыть о том, что происходило в городе и стране. На следующий день после премьеры спектакля «Венецианский купец» 28 ноября Блок написал переводчице Н. А. Нолле-Коган: «Иногда помогает театральная атмосфера, за мишурой прячется на час, на два та "щель истории", в которую мы попали. Впрочем, стоит выйти на улицу — и вновь охватывает мрак, скука и серость, которым нет конца. Они и в партере и нет им исхода»³⁰. В это же время Замятин написал по заказу Петроградского ТЕО Наркомпроса «историческую картину» из эпохи испанской инквизиции — драму «Огни св. Доминика» — о сопротивлении человека религиозному догматизму³¹. По свидетельству В. Н. Орлова, Блок писал отзыв о пьесе³².

Есть основания предположить, что творческое сотрудничество с Замятиным не прошло для Блока бесследно. Отголоски замятинских идей слышатся в декларации издательства «Алконост», написанной Блоком 2 февраля 1921 года: «Группа писателей, соединившихся в "Алконосте", проникнута тревогой перед разворачивающимися мировыми событиями, наступление которых она чувствовала и предвидела, и потому она обращена не к прошедшему, тем менее — к настоящему, но — к будущему»³³. В речи «О назначении поэта»³⁴, произнесенной в Доме Литераторов в 84-ю годовщину со дня смерти Пушкина, Блок стремился дать предельно синтезированное выражение своего понимания роли искусства и назначения поэта, создать единую универсальную формулу, которая была бы верна во все времена.

В 1921 году Замятин подарил Блоку первый номер журнала «Дом искусств»³⁵ с рассказом «Мамай» и статьей «Я боюсь», где сконцентрировались взгляды Замятина на литературу и искусство, на их отношения с государством. Одним из первых Замятин отметил ростки губительной для литературы тенденции к «ортодоксальности», безудержному одописанию, неприятию «жестоких бичей Аристофана», без которых, по убеждению автора, литература вообще не может существовать³⁶.

Известно, что в личной библиотеке Блока хранились также несколько книг, отредактированных Замятиным и изданных «Всемирной лите-

ратурой» в 1919–1920 годах. Среди них — три сборника рассказов Джека Лондона и три романа Герберта Уэллса³⁷. На страницах книги Уэллса «Война в воздухе»³⁸ и, главное, в тексте предисловия Замятина Блок оставил пометы. Обилие уточнений и отчеркиваний на полях свидетельствует, что поэт внимательно изучил предисловие. Блок дважды подчеркнул слово «культура» в тексте предисловия (на с. 7), в абзаце, где Замятин говорит о близком крушении всей старой европейской культуры, и вынес на поля слово «цивилиз[ация]». В представлении Блока эти понятия были не однозначны. Для него культура — высшее проявление творческого духа человечества, синоним «духа музыки»; цивилизация же, напротив, означала для поэта бездуховность бытия, «безмузыкальность», пошлость и вырождение³⁹. Характер помет свидетельствует о том, что некоторые идеи Замятина и его трактовка романа были близки Блоку. Замятин утверждал, в частности, что картины войны и «мрачное зрелище всеобщего одичания» имеют непосредственное отношение к сегодняшней России. Вероятно, соглашаясь с этим, Блок отчеркнул следующий абзац предисловия:

«И у нас, в России, еще так недавно смертная казнь вызывала протесты и возмущение. Теперь же по обе стороны фронта гражданской войны с одинаковым равнодушием читают в газетах длинные списки казненных <...>» (с. 11).

Весной 1921 года Правление Петроградского отдела профессионального Союза писателей предприняло попытку учредить свой «независимый литературно-критический и профессиональный орган» — «Литературную газету»⁴⁰. В редакцию вошли А. Л. Волынский, А. Н. Тихонов, К. И. Чуковский и Замятин. Наряду с другими материалами в номер были поставлены статьи Блока и Замятина. В статье «Пора» Замятин протестовал против регламентирования искусства государством и требовал дать «беспартийным» «право говорить вслух все, что они думают, и право читать все, что они захотят <...> пора снять с печати осадное положение»⁴¹, — взывал он к властям.

В статье Блока «Без божества, без вдохновения» вновь отразилось беспокойство поэта о судьбах современной поэзии, оторванной от действительности. Он призывал Н. С. Гумилева и С. М. Городецкого стать «больше похожими на свою родную, искалеченную, сожженную смутой, развороченную разрухой страну»⁴². Этот номер «Литературной газеты» был сверстан и набран, но из печати не вышел. Большая часть материалов имела антибольшевистскую направленность, и газета была конфискована еще в типографии⁴³.

Получив известие о смерти Блока, Замятин написал Чуковскому: «7 августа 1921 года такой же невероятный день, как тот — 1837 года, когда узнали: убит Пушкин. Я человек металлический и мало, редко кого люблю. Но Блока — любил <...>»⁴⁴.

10 августа 1921 года Замятин пришел в блоковскую квартиру. Происходившее здесь и на кладбище он запомнил так:

«Синий ладанный дым в тесной комнатке. Чужое, длинное, с колючими усами, с острой бородкой лицо — похожее на лицо Дон-Кихота. И легче от того, что это не Блок, и сегодня зароят — не Блока.

По узенькой, с крутыми поворотами, грязноватой лестнице — выносят гроб — через двор. На улице у ворот толпа. Все тех же, кто в апрельскую белую ночь у подъезда Драматического театра ждал выхода Блока — и все, что осталось от литературы в Петербурге. И только тут видно: как мало осталось.

<...> под солнцем, по узким аллеям — несем то чужое, тяжелое, что осталось от Блока. И молча — так же, как молчал Блок эти годы, — молча Блока глотает земля»⁴⁵.

Блок так же, как и Пушкин, оставался для Замятина нравственным ориентиром. С ним он сверял свое представление о нормах идеального поведения писателя: «<...> в этом человеке — с огромной, зажигающей силой — как лучи сквозь двояковыпуклое стекло — преломилось лучшее, что есть в нас, русских: это — способность никогда не быть сытым, всегда идти все дальше, хотя бы это грозило опасностью, гибелью»⁴⁶.

Обычно элементы философии культуры в поэтическом творчестве Блока исследователи рассматривают в оппозициях, определенных самим поэтом: «стихия и культура», «искусство и революция», «интеллигенция и революция», «народ и интеллигенция». Однако в творческом наследии Блока можно, кажется, выделить и некоторые другие, существенные оппозиции — «культура и государство»⁴⁷, «личность и массы», «художник и власть». Эти вопросы особенно остро обсуждались в печати и устных дискуссиях в период становления новой государственности, их можно найти почти во всех работах Блока 1918–1921 годов; в том или ином виде эти темы присутствовали в размышлениях поэта и отразились в его письмах, дневнике, записных книжках.

За несколько месяцев до Октябрьских событий в письме к Л. Д. Блок поэт писал: «Есть своя страшная правда и в том, что теперь носит название "большевизма"»⁴⁸.

Отношение Блока к государству не было столь оптимистичным, как его отношение к революции. Об этом свидетельствует «Письмо о теат-

ре», написанное 17 сентября 1917 года, впоследствии переработанное и опубликованное 3 мая 1918 года⁴⁹. Отвечая на конкретные вопросы: могут ли существовать театры, содержащиеся за счет государства, без компромиссов, и зачем государству заботиться о театрах с пустующими залами, — поэт решал общий вопрос о взаимоотношениях культуры и государства. «Государству ничего не стоит, — писал Блок, — при каком угодно режиме закрыть двери театров так же, как и двери университетов. Это — маленькое движение щупальцев, движение на периферии, сразу почти незаметное в центре. Сила государства (пресловутая, страшная "мощь") такова, что сразу никто — ни общество, ни отдельные люди — ничего не сумеют противопоставить гибели целых учреждений (театров) и отдельных людей (художников)» (VI, 275).

В «маленьком фельетоне» «Сограждане» (1 мая 1918 года)⁵⁰ поэт изобразил Петроград городом, состоящим из «каменных ящиков», с «многими переборками»; во всех квартирах-отсеках — одинаково устроенный быт и одинаково монотонно протекающая жизнь. Духовные, гражданские и бытовые «полномочия» жильцов переданы домовым комитетам и комендантам лестниц. Всех жильцов зовут Иванами Ивановичами, их жены — вовсе без имени; соседей знают по номеру отсека, да еще иногда по их занятиям в прошлой, дореволюционной жизни. Так возникает образ общества обезличенных граждан, в котором разговоры и размышления о высоких материях, о культуре и ее «бессмертной душе» явно неуместны.

Блока в последние годы жизни угнетала загруженность многочисленными служебными делами организационного характера, многочасовыми заседаниями в культурно-просветительных учреждениях. Измотанный все усложнявшимися условиями быта (поэту приходилось прилагать неимоверные усилия, чтобы заработать на жизнь), Блок обостренно реагировал на все, что казалось ему посягательством государства, среды, быта на творческую свободу художника. В письме к Нолле-Коган 3 января 1919 года Блок писал: «Пускай человека отрывают от его любимого дела, для которого он существует <...>, но жестоко при этом напоминать человеку, чем он был, и говорить ему "ты — поэт", когда он превращен в протоколиста, вовлечен в политику и т. д.». 18 января он снова жаловался ей, что «с окружающим бюрократизмом не сладить», «положение с каждым днем становится все более ложным и трудным»⁵¹.

Анализируя историю развития европейского общества в статье «Крушение гуманизма», Блок подчеркнул, что главным двигателем европейской культуры, «ее исходной точкой и конечной целью» была личность.

В XX веке под действием мировых войн и российской революции «на арене европейской истории появилась новая движущая сила — масса», она положила конец европейской цивилизации, построенной на двух началах — индивидуализме и гуманизме. «Так называемые массы, — писал Блок, — никогда не были затронуты великим движением гуманизма»; народ «свои стремления <...> выражал на диком и непонятном для гуманистов языке — на варварском языке бунтов и кровавых расправ» (VI, 93, 98).

Осознавая, что раздробленный войной мир, расколотое революцией российское общество будут в скором времени объединены централизующей силой нового государства, Блок представил будущее культуры в мрачных тонах: «Полицейское государство <...> гораздо реалистичнее новейших гуманистов: оно поставило на первый план вопрос о подчинении и властвовании (а так как властвование требует прежде всего разделения, то есть натравливания одной части населения на другую, одного класса на другой <...>), то всякие попытки связывания, если они даже исходят от некоторых органов полицейского государства терпят неизбежное крушение; да и сами эти органы — различные министерства народного просвещения — всегда занимают второе место в полицейском государстве, занятом по необходимости (в целях самосохранения) прежде всего содержанием армии военных и чиновников». Отвечая на свой же вопрос о том, как впоследствии человечество будет приобщаться к культуре, Блок писал: «Неизвестно еще кто кого будет приобщать с большим правом: цивилизованные люди — варваров, или наоборот <...>» (VI, 99).

Страшное открытие делает для себя поэт 11 июня 1919 года: «Чего нельзя отнять у большевиков — это их исключительной способности вытравлять быт и уничтожать отдельных людей. Не знаю, плохо это или не особенно. Это — факт»⁵².

Переживаемое состояние «примирения с действительностью» сопровождалось у Блока трагическим раздвоением личности, попыткой ответить на неразрешимый вопрос: как художнику быть самим собой, жить и принадлежать обществу.

Весной 1918 года Блок принял «правду» русской истории такой, как ее почувствовал и отобразил в поэме «Двенадцать». Современная действительность не укладывалась в рамки этики и эстетики, духовности, разума и чувства, все менее соответствовала многовековому культурному опыту человечества. «В наше катастрофическое время, — заметил Блок, — всякое культурное начинание приходится мыслить как катакомбу, в которой первые христиане спасали свое духовное наследие» (VI, 111).

Призывая художников склониться перед грядущими «великими событиями», Блок не считал возможным примирение с тираническим государством и выбирал для решения трагических противоречий жизни путь, избранный Р. Вагнером. По его мнению, немецкий композитор нес в своем творчестве «яд ненавистнической любви», который сеял в человеческих душах беспокойство и тревогу (VI, 25).

В главных произведениях Замятина 1919–1921 годов — в романе «Мы» и пьесе «Огни св. Доминика», написанных в период личного и творческого общения с поэтом, — центральные оппозиции: «личность и власть», «личность и общество», «творческая фантазия» и «тоталитарная культура».

В пьесе из времен испанской инквизиции церковная (она же и государственная) власть всеми средствами физических и моральных пыток требует «слепого преклонения перед каждой буквой латинского евангелия». Это требование становилось для инквизиторов предлогом и оправданием «для самых грубых насилий над человеческой душой»⁵³.

В философском романе «Мы» писатель отразил завершение построения тоталитарного государства и его культуры⁵⁴. Государственная машина при полном одобрении и содействии 99% населения «избавляет» оставшуюся часть еще «зараженных» творческой фантазией индивидуумов, приобщает их к некоему коллективному разуму и вовлекает в общий строй ровно дышащих, монотонно марширующих, мерно танцующих и одинаково мыслящих сограждан⁵⁵.

Несмотря на известные различия во взглядах на задачи искусства и миссию художника, Блок и Замятин разделяли убеждение, что искусство не может служить интересам государства; оба поддерживали тезис А. Белого: если культура обслуживает государство, то между ними «возникает непримиримый антагонизм, в этом антагонизме разлагается и государство, и культура»⁵⁶. Свободная деятельность творцов-одиночек оставалась для них единственно возможной формой создания нового в искусстве. Искусственно насаждаемое и поощряемое новой властью «живое творчество масс», как и творчество по социальному заказу, было неприемлемо для обоих. Каждый «работал» в искусстве, следуя заветам русской литературы: «<...> самая совершенная культура не могла бы заглушить человеческой тоски по внутренней свободе <...> человек, а не гражданин, есть верховная цель исторического прогресса. Без человека нет гражданина. Без человека все ничтожно. Все бесцельно там, где не свободен ум, где принижен дух <...>»⁵⁷.

- ¹ Цит. по: *Замятин Е. Сочинения* / Сост. Т. В. Громова, М. О. Чудакова. М., 1988. С. 312 (Из лит. наследия). «Воспоминания о Блоке» впервые были опубликованы в журнале «Русский современник» (1924, № 3). Авторский текст сохранился в двух редакциях — черновой автограф и рукописная копия, сделанная женой писателя Л. Н. Замятиной, с правкой автора (Отдел рукописей и художественных иллюстраций ИМЛИ им. А. М. Горького. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. № 181, 183). В черновом автографе — авторская дата: «1921» и варианты названий «Видения о Блоке» и «А. Блок (воспоминания)». Часть вариантов и разночтений с опубликованным текстом впервые приведены А. Ю. Галушкиным. См.: *Замятин Е. Воспоминания о Блоке* / Послесл., коммент. и подгот. текста А. Ю. Галушкина // *Юность*. 1988. № 3. С. 73–77.
- ² Подробные биографические сведения о Замяте содержатся в публикациях: *Замятин Е. Автобиография* [1928] // *Замятин Е. Избранные произведения*: Повести. Рассказы. Сказки. Роман. Пьесы / Сост. А. Ю. Галушкин. М., 1989. С. 37–42; *Замятин Е. Автобиография* [1931] / Публ., вступ. заметка, коммент. и послесл. А. Галушкина // *Странник: Литература. Искусство. Политика*. 1991. Вып. 1. С. 12–14; *Рукописные памятники*. Вып. 3. Ч. 1–2. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина. СПб., 1997.
- ³ См.: *Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни*. 1914. № 4. С. 158.
- ⁴ ЗК, 269.
- ⁵ Сведения о С. П. Постникове и его взаимоотношениях с Замятиным см.: *Янгиров Р. «Заветный друг» Евгения Замятина: Новые материалы к творч. биогр. писателя* // *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры*. 1996. Т. 2. № 2. С. 478–520.
- ⁶ О сборниках «Мысль» см. комментарии А. Ю. Галушкина и М. Ю. Любимовой к переписке Ф. Сологуба и Е. И. Замятина (Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 390).
- ⁷ ЗК, 397.
- ⁸ Скифы: Сб. 2 / Редактировали: Андрей Белый, Р. В. Иванов-Разумник, С. Д. Мстиславский. [Пг.]: Скифы, 1918.
- ⁹ Скифы: Сб. 1 / Редактировали: А. И. Иванчин-Писарев, Р. В. Иванов-Разумник, С. Д. Мстиславский. [Пг.]: Скифы, 1917.
- ¹⁰ Там же. С. VII, XI.
- ¹¹ Скифы: Сб. 2. С. 226.
- ¹² [Замятин Е. И.] Скифы ли? // *Мысль*: [Сб.] I. Пг., 1918. С. 286. Подпись: Мих. Платонов.
- ¹³ Это произведение было впервые опубликовано в приложении к газете «Воля народа» — «Россия в слове» (1917. 29 октября. № 1) под заглавием «Слово о гибели Земли Русской», затем во второй редакции под названием «Слово о гибели Русской Земли» вошло во второй сборник «Скифы». О его оценке Ивановым-Разумником см.: *Ремизов А. Дневник 1917–1921* / Подгот. текста А. М. Грачевой, Е. Д. Резникова. Вступ. заметка и коммент. А. М. Грачевой // *Минувшее: Ист. альм.* 16. М.; СПб., 1994. С. 530.
- ¹⁴ *Мысль*: [Сб.] I. С. 292–293.
- ¹⁵ Дело народа. 1918. 21 апр. / 4 мая.

- ¹⁶ Статья и поэма Блока вызвали ожесточенную полемику в печати. См.: Блок в критике современников (Аннотированная библиографическая хроника. 1902–1921) / Сост. В. И. Якубович при участии Н. Г. Захаренко, В. В. Серебряковой, Л. С. Шепелевой // ЛН, 92, V, 753–767 и др.
- ¹⁷ Новая жизнь. 1918. 11 / 24 января.
- ¹⁸ Дело народа. 1918. 5 / 18 июня.
- ¹⁹ Новая жизнь. 1918. 17 / 30 мая.
- ²⁰ Дело народа. 1918. 17 / 30 апреля.
- ²¹ *Замятин Е. Из лекции «М. Горький»*. Цит. по: [Галушкин А. Ю.] Вечный отрицатель и бунтарь: Е. Замятин — литературный критик // *Литературное обозрение*. 1988. № 2. С. 98.
- ²² Подробнее о настроениях Замятина в этот период см.: *Рукописные памятники*. Вып. 3. С. 35.
- ²³ См.: ЗК, 449–450; *Иванова Е. В. Об аресте Александра Блока в 1919 году* // *Филологические науки*. 1992. № 4. С. 108–112; *Штейнберг А. З. [Стенографическая запись воспоминаний] // Памяти Александра Блока: Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг*. Пг., 1922. С. 35; *Иванов-Разумник*. Тюремь и ссылки («По тюрьмам на родине») / Публ. текста В. Г. Белоуса; коммент. В. Г. Белоуса и Я. В. Леонтьева // *Мера*. 1994. № 1. С. 168–170; *Ремизов А. М. В розовом блеске: Автобиографическое повествование*. Роман. М., 1990. С. 221–233; *Файман Г. «И всадили его в темницу ...» // Русская мысль*. 1996. 25–31 января. № 4110. С. 11.
- ²⁴ Цит. по автографу: ИМЛИ. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 3–3об.
- ²⁵ О журнале «Завтра» см.: ЗК, 455; *Вестник культуры и свободы*. 1919. № 5/6. 3-я страница обложки; *Чуковский К. Дневник*. 1901–1929. М., 1991. С. 112–113, комментарии Е. Ц. Чуковской на с. 485.
- ²⁶ Цит. по тексту первой публикации: *Замятин Е. Лица*. Нью-Йорк, 1955. С. 174.
- ²⁷ Тема стекла как такового и связанная с ней тема привычки жить за непроницаемыми перегородками не однажды останавливали внимание Блока. Об этом свидетельствуют его заметки на книге: *Мор Т. Утопии* / Пер. с лат. А. Г. Генкель при участии Н. А. Макшеевой. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1905 (ОР РНБ. Ф. 77. Ед. хр. № 16). На с. 86 Блок отчеркнул следующий текст: «Стеклянные окна (стекло вообще находят на острове очень много применений) хорошо защищают от ветра. Иногда вместо стекла употребляется необыкновенно тонкая ткань, пропитанная амброй и маслом; при таких условиях она отлично пропускает свет и задерживает ветер».
- ²⁸ *Юность*. 1988. № 3. С. 74. Две последние строчки — из стихотворения «Скифы». Дату этого разговора подтверждает запись Блока (ЗК, 464).
- ²⁹ См.: *Рукописные памятники*. Вып. 3. С. 226–228.
- ³⁰ ЛН, 92, II, 347.
- ³¹ О дальнейшей истории пьесы см.: *Замятин Е. Автобиография*. [1931] С. 13. Пьеса была опубликована в альманахе «Литературная мысль» (1922. Сб. 1. С. 37–61).
- ³² См.: ЗК, 488. Примечание В. Н. Орлова на с. 597.
- ³³ Цит. по: *Блок А. Дневник* / Подг. текста, вступит. ст. и примеч. А. Л. Гришунина. М., 1989. С. 333. Ср. с публикацией в издании: *Дневник Ал. Блока*. [Т. II.] 1917–1921. Л., 1928. С. 214.

- ³⁴ См.: Вестник литературы. 1921. № 3. (27). С. 15–17.
- ³⁵ См.: Библиотека А. А. Блока: Описание / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1986. Кн. 3. С. 274.
- ³⁶ Дом искусств. 1921. № 1 (на обл. 1920). С. 45.
- ³⁷ См.: Библиотека А. А. Блока. Л., 1985. Кн. 2. С. 72, 73, 323–324; Кн. 3. С. 237, 265.
- ³⁸ Уэллс Г.-Д. Война в воздухе / Пер. [с англ.] Э. Пименовой. Предисл. Е. И. Замятина. Пб., 1919 (Всемирная литература. Англия. Т. 9). Хранится в библиотеке ИРЛИ. Шифр: 94. 8 / 138.
- ³⁹ См. подробнее: Поцення Д. М. Проза А. Блока: Стилистические проблемы. Л., 1976. С. 110–128.
- ⁴⁰ См. анонс: Союз писателей // Дом искусств. 1921. № 2. С. 122; Устинов А., Сажин В. Ожог: К истории невышедшей «Литературной газеты» 1921 года // Литературное обозрение. 1991. № 2. С. 95–96.
- ⁴¹ Рукописные памятники. Вып. 3. С. 479–480.
- ⁴² Цит. по тексту корректуры статьи: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 6. № 31. Л. 8.
- ⁴³ О корректурном экземпляре «Литературной газеты» и об истории конфискации газеты см.: Рукописные памятники. Вып. 3. СПб., 1997. С. 480–481.
- ⁴⁴ ЛН, 92, II, 270.
- ⁴⁵ Замятин Е. Сочинения. С. 321.
- ⁴⁶ Евгений Замятин о Блоке (Речь на вечере памяти Блока в Большом драматическом театре 15 ноября 1926 г.) / Сообщ. Е. Ю. Литвин // ЛН, 92, V, 587.
- ⁴⁷ На эту оппозицию обратил внимание И. В. Кондаков. См.: Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 480–482.
- ⁴⁸ Блок А. Письма к жене. М., 1978. С. 376 (ЛН. Т. 89).
- ⁴⁹ Жизнь. 1918. 20 апреля / 3 мая.
- ⁵⁰ См. первую публикацию: Жизнь. 1918. 31 мая / 13 июня.
- ⁵¹ ЛН, 92, II, 334, 335.
- ⁵² Блок А. Дневник / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. Л. Гришунина. М., 1989. С. 299.
- ⁵³ П[ильский П.]. Новые книги [Рецензия на книгу: Замятин Е. Огни св. Доминика. Берлин, 1922] // Сегодня. [Рига]. 1923. 4 февраля. № 27. С. 5.
- ⁵⁴ Как «тиранию общества» трактовал роман в предисловии к первому, американскому, изданию книги Замятина переводчик Г. Зильбург: «Главная проблема романа Замятина — подавленность личности массой. Конфликт творческой личности и толпы — это не только русский вопрос. Проблема личности и массы стоит одинаково остро и при большевистской диктатуре, и на заводе Форда. Для всех тех, кто предпочитает быть частью толпы, как и для тех, кому существование толпы необходимо, — вопрос этот представляет опасность» (цитируется в переводе О. А. Казниной. См.: Казнина О. А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С. 213).
- ⁵⁵ Руководители нового государства, партийные и государственные чиновники самого высокого ранга почувствовали возможность опасных ассоциаций с новым советским государством: роман не прошел цензуру. Пьесу «Огни св. До-

миника» обсуждали на заседании Политбюро ВКП(б) и рассматривали ее как вещественное доказательство «контрреволюционной деятельности» писателя (см.: Галушкин А. Ю. У «Зеленой стены»: Евгений Замятин в «задержанной» эмиграции // Русская мысль. 1997. № 4192. 9–15 октября. С. 10). То, что роман Замятина не был опубликован в России до 1988 года, доказывает, что образ тоталитарной культуры был спрогнозирован автором настолько точно, что представлял опасность для чиновников вплоть до крушения тоталитарного государства и распада тоталитарной культуры.

⁵⁶ Белый А. Проблема культуры // Белый А. Символизм. М., 1910. С. 6.

⁵⁷ Волынский А. Л. Нравственная философия гр. Льва Толстого // Северный вестник. 1891. № 10. С. 186.